

МЯТЕЖНИЦА

Гончарь В.П.

МАОУ лицей №12, г. Екатеринбург

Эта история началась давно, когда мне было шесть лет. Матушка в тот год скоропостижно скончалась от тифа, а отец уехал. Мое детство потекло в усадьбе, у меня было все: пони, прекрасные игрушки и интересные книги в отцовской библиотеке. Отец то приезжал, то уезжал, а иной раз даже на мой день рождения не приходил: некогда было. Моя няня меня, конечно, успокаивала поскорей, мол, Варенька, папенька твой прибудет, не на этот праздник, так на следующий. Но за мои шестнадцать лет я видела его всего пять раз со смерти мамы. Но в один день все изменилось.

Это был обычный летний день, солнце ярко сияло в синей вышине, я, как всегда, занималась грамотой, как вдруг к воротам подошел гусар средних лет. Он огляделся по сторонам и заметив меня, подманил пальцем.

— Здравия желаю, милая барышня! Батюшка твой, Петр Гончаров, здесь?

— Его нет, он на битву за реку уехал год тому назад. — ответила ему я.

— А зачем вам мой отец, позвольте поинтересоваться?

— Не догадливая ты, дитя моё. Однако... Как звать-то тебя?

— Варенька...

— Вот как? Что ж, а отец мне твой нужен был на другое предназначение.

На два фланга неприятель разделился, воинов нам не хватает. Нужны смелые и верные оружию люди.

Верные оружию... Это ведь мой шанс, не оставлять же Родину в беде, у всех только на уме, как ее спасти. Я заявила, что еду вместо отца.

— Да виданое ли дело тебе по войскам ходить? – гусар взволновал мой ответ. — Девушки в наших краях, не слышал, что оружием владеют.

— Я редкое исключение. Ну возьмите, я прошу вас! С оружием умею управляться, в ближнем бою и дальнем, холодным и огнестрельным.

— А кто ж ответит, коль убьют вас?

— За свою душу только я сама в ответе.

Мужчина посмотрел на меня, и одернул зеленый ментик. На его лице появилась улыбка.

— Неплохо, неплохо... А форма то у вас имеется?

У моего отца была старая его форма, но я заверила, что ее только укоротить и подшить надобно — и готово будет. За этим и порешили, и договорились встретиться завтра, на рассвете у ворот.

Целый вечер и ночь я сидела с формой, а когда закончила, было около четырёх часов. Я в последний раз прошла по родному дому, в котором выросла, с собою взяла только две вещи: пьесу Шекспира, и небольшую шкатулку, с этим и вышла, где меня уже ждали.

— Рад вас видеть, мадемуазель Гончарова. Вот ваше оружие.

Вчерашний мой знакомый протянул меня мушкет с запасными патронами. У меня дрожали руки, назад дороги не было. Мы сели в экипаж и тронулись с места.

За поворотом медленно скрылся мой дом. Дальше был только лес, и поле. В предрассветной тишине слышались звуки природы. Дрожь уже пробегала по всему моему телу, и я осознала свою позицию, теперь меня никак нельзя было назвать Варенькой. Я — Варвара Гончарова.

Я предполагала, что отец будет против такого. Едва я приехала, он узнал об этом и приехал. Я думала, он будет рад меня видеть, но вместо этого он отозвал меня ото всех и начал воспитывать.

— Что за поведение?

— Я слишком долго взаперти сидела, я орден получу на поле боя, и уважения тогда не избежать от народа. Мне всего шестнадцать, но кто сказал, что не могу!

Я с детства не привыкла уступать.

— Ты едешь немедленно домой, придумай что угодно. Езжай, тебе нечего тут делать. — отец очень рассердился. Но я твердо сказала, что не планирую

уезжать, ведь теперь я смогу принести пользу людям, я годами не выходила за пределы усадьбы, и больше не желаю быть несчастной. Я поступлю, как хочу я.

— Ты мне перечишь? — в голосе отца проскользнула сталь. — Вот что, принеси-ка мне плеть, что лежит на столе. Давно отцовскую руку не ощущала, полагаю.

На пятом ударе у меня горела спина, а на двадцать пятом я ощутила, как потекли капельки крови, но вскоре плеть опустилась, и я в изнеможении упала на изгородь. Конечно, в родной усадьбе мне очень часто приходилось ложиться на скамейку, беря в расчёт мое поведение, но это было дома, а не у всех на виду. Я села и спрятала лицо в ладонях.

Кто-то тронул меня за плечо.

— Эй, ты чего плачешь? — я подняла глаза и увидела юношу, который сел рядом со мной. У него был красивый темно зелёный ментик, на котором блестели золотые пуговицы, а за ремнем пряталась сабля в ножнах. — Обидел тебя кто?

— Нет, просто небольшая расплата за мое дальнейшее будущее... — ответила ему я, вставая. — Я не плакала... Мне нужно к лекарю, ты знаешь, куда пройти?

— Зачем тебе?

В ответ я сняла свой ментик, рубашка вся пропиталась кровью от побоев отца. Парень понимающе кивнул.

— Командир Гончаров? Да, он никогда никого не жалеет, не повезло, что ты попала ему на глаза с провинностью.

— Не повезло, что я вообще его дочь... — пробормотала я, но он услышал.

— Ты дочь Гончарова?

Я кивнула. А затем пояснила более подробно, за что мне досталось, пока мы шли до палатки лекаря. Там быстро промыли раны и дали чистую рубашку, чтобы исключить заражение. Тот юноша все еще ждал меня, я остановилась перед ним.

— Спасибо, что помог.

— За всегда пожалуйста... Кажется, я не представлялся? Исправляюсь: Мироном меня зовут.

Я назвала ему свое имя. Он улыбнулся и произнес:

— Дворянка?

Я кивнула. Мы прошли чуть дальше от палатки, чтобы немного побыть в тишине. Все пока дышало покоем, неторопливые шаги, над головой крышей выросли величавые сосны. Вдали шумела водоворотами река, о чем-то волны явно болтали. Все это прервал неожиданный свист и взрыв ядра где-то неподалёку от лагеря. Я встрепенулась и обернулась к Мирону.

— Смотри! Враги слишком близко подошли к границе, сколько дыма! Предупредим начальство?

— А как бы ты сама поступила? – спросил Мирон, возводя курок мушкета.

— Нет, наверное...

— Конечно! Бери оружие, их там всего-то восемь человек. Легкая добыча для молодых сильных воинов.

Слишком уверенно...

Мы бросились на границу. Вокруг летало большое количество дыма, и порой было не разобрать, что творилось вдали. Я взобралась на камень, подняв в руках револьвер.

— Что, смелости не хватает нападать! А ну, догоняйте, чего встали! – я понимала, в любую секунду я под угрозой. Если попадут...

— Что ты делаешь? – крикнул мне Мирон, увидев, что я творю. — Ты мишень! Стреляй отсюда, слезай, быстро слезай... – он стал тянуть меня вниз, но сдаваться было не по моей части.

— Стреляй ты, а я подведу их как можно ближе! — у меня в голове уже был чёткий план. Дым предательски слепил глаза, но я смогла подманить врагов к Мирону, он уже стоял поблизости, и отстреливался из-за валуна. Черного дыма стало еще больше, я совсем потеряла его из виду. Людей больше

не было слышно, поэтому калачиком свернулась на земле, укрывшись от посторонних глаз. Минуты через три раздался звук бегущих ног, и рядом со мной затормозил Мирон.

— Все нормально? Я думал, ты упала, потому что ранена. Это очень страшно, не делай так, — и он обнял меня, прижал к себе.

Я сказала ему, что всего лишь потерялась и не знала, в какую сторону двигаться. Мирон усмехнулся.

— Ты вся черная от копоти. Найдем реку, умоешься.

Я провела рукой по лицу, и действительно, пальцы остались черными. Поднявшись, мы направились к реке, что была неподалеку, я слышала ее постоянно. Оказалось, это очень близко, за лесом, не пришлось далеко идти.

Не видела я места здесь лучше, тут было тихо и спокойно, никто сюда не ходил. Пока я умывалась, смотрясь в воду, Мирон незаметно подошел сзади.

— Помочь? — со смехом спросил он.

— Ага, сейчас... — я резко повернулась и, не удержавшись на камне, упала в реку. Мирон подавил смешок. Я улыбнулась, вечно ноги подводят. Река была настолько мелкая, что доставала мне только до колен, но ментик все равно был намочен. Я расстроилась, но решила, пока он будет сушиться, останусь в рубашке, так и сделала. Мирон лежал на траве, подбрасывая вверх игральные кости.

— Скука смертная... Хочу уже в свои родные края. Ты бы видела, как там красиво! Сколько я времени в лесу рядом с моей усадьбой провел...

Я вздохнула, меня-то дома не ждал никто, разве что пустые комнаты угрюмого дома. Я вспомнила свое детство, и сердце неприятно сжалось. Не хотелось вновь проживать старые эмоции, я решила, что больше мне там делать ничего, и я ни в жизни больше не вернусь туда.

— Хотела бы я взглянуть на этот лес, — призналась я. — Возле нашей усадьбы была только церковь, и поутру там всегда били колокола. В это примерное время приходила моя учительница по этикету.

— На дому обучалась? — Мирон поднял голову. — У нас в гимназии говорили, якобы если дома обучение, лучше. Правда ли?

— Уроки довольно для меня необычные. Отец считал, что мне не нужно обучаться глубоко, я только танцевать училась, хорошим манерам. Ну, иногда классику по ночам читала и инструкции к оружию.

Мирон не успел ответить, как к нам подошел, вероятно, командир из какого-то полка — через его плечо на синей ленте висел тяжелый орден. Я узнала его, это именно он помог мне приехать сюда. Я поспешно поднялась с травы, Мирон тоже вскочил.

— Гончарова, ко мне в штаб. Быстро и без вопросов.

В чем опять провинилась... Я бросила отчаянный взгляд на Мирона, то кивнул и сжал кулак — дескать, держись. Однако мы пошли не к штабу, а свернули налево, в пролесок, там располагался бункер. Он был уже в аварийном состоянии и там, в основном, лежали только мешки с продовольствием. Когда мы туда вошли, почти сразу же начались странности. За мной закрывались все двери. Я решила остановиться и спросить, в чем же дело, когда гусар завел мне руки за спину и кинул в какое-то помещения с высоким потолком. Вверху была единственная отдушина, но добраться до нее... Нет, я слишком невелика ростом.

— Что вам нужно? — закричала я в закрытую дверь. — Зачем? Выпустите меня! Выпустите!..

Я не знала, сколько времени прошло. Может, день, может, всего несколько часов. Сквозь дрему я услышала голос. Я решила, что просто уснула, и мне это кажется, но в темноте кто-то спрыгнул на пол, совсем рядом. Из меня вырвался крик, но рука быстро прикрыла мне рот.

— Не кричи, тсс... Я пришел за тобой.

В темноте я разглядела лицо Мирона. Я спросила, как он догадался, что я здесь, ведь лес огромен. Он ответил, что не нашел меня ни в штабе, ни в палатке. Тут же он мне рассказал ужасную вещь, он думал, что я просто где-

то сижу и разговариваю с командиром, но услышал новость: мой отец скончался, от пулевого ранения в грудь несколько часов назад. И теперь, все его окружение хочет занять его место, а меня отстранили, как его дочь, и сегодня или завтра отправят куда-то.

— Нужно уезжать, — закончил Мирон свою мысль.

К тому моменту мы уже были наверху — я смогла залезть в отдушину благодаря ему, и вот, свобода. Была ночь, над нами сияли яркие звезды, под ногами прыгали во все стороны кузнечики, шелестела трава. Неожиданно Мирон уловил звук шагов, они стремительно приближались, ослепительный свет фонарей — и нас окружили вражеские шпионы.

— Кто их сюда привел?...

— Точно не я, — шепотом ответил Мирон мне. Внутри меня все горело, мое тело начало непроизвольно дрожать — штыки медленно направлялись на нас. Я почувствовала, что мне что-то сунули в руку, это был мушкет. — Держи на всякий случай, но не стреляй пока, иначе нам будет плохо... *Venez ici, vous n'avez rien à faire ici, voyous!* — сказал он шпионам. Те явно не ожидали такого и дальнейший диалог велся на французском, я ничего не могла разобрать. Наконец эти люди, напоследок что-то сказав Мирону, ушли. Я перебивалась в шоке.

— А что ты им сказал?

— Я сказал, что вместо кровопролития мы можем обменяться информацией, я разрешил им переночевать на нашей территории, а они за это поведали мне вот что: тот, кто привел тебя в бункер, действительно работает на два фронта, ему сказали, что ты дочь командира, он надеялся, что он, отстранив единственную законную наследницу, сможет занять место твоего отца, а тебя отправить к французам.

— Зачем?

— Кто ж знает... Теперь судьба этого восстания только в твоих руках, Варенька.

Страшно стало, до жути. Как остановить? К кому обращаться... Но тут идея пришла, откуда не ждала.

— Мирон, собери верных людей моего отца, если такие остались... — я будто родилась заново, — и идите к штабу, я скоро подойду туда. — я сама удивилась, насколько тверд стал мой голос. — И захвати с собой веревку, ладно?

Я пересекла границу рядом со стражей, и разумеется, меня сразу заметили. Еще какое-то время я позволила себе убежать от них, но потом случилось то, что никак не входило в план, зацепившись за камень на дороге, я упала лицом на пыльную дорогу, тут меня и повязали. Казалось, что план потерпел крах.

Но, как и полагалось, я нужна была им живой, меня не тронули, однако повели к изменнику, которого я очень хорошо запомнила в лицо. Вскоре я нашла глазами Мирона — тот явно был шокирован моей выходкой, но не сказал ничего, послушав моего приказа.

— Ну что, ты будешь подписывать согласие о передачи своей армии мне? — спросил меня гусар. Да-да, тот самый. Я добродушно сказала нести мне бумаги, и шепнула Мирону, чтобы тот был наготове. В поле для подписи я написала слово «лжец», и бросила договор на землю.

План был сработан идеально. Увидев, что начальник связан, стража отступила и вскоре сбежала под натиском. Я сожгла договор и обратилась к людям моего отца, что собрал Мирон по моей просьбе.

— Да, мой отец умер, я не спорю, мы без командования. Но почему бы вам не принять нового командира, Мирона Филинского? Он отважен и смел, и сможет навести здесь порядок. Я — девушка, хоть и разбираюсь в оружии, позвольте мне быть простым корнетом. Мне не важен чин, я желаю помогать своей силой, своим мастерством, другим людям. Есть люди, достойные высоких постов.

— Я согласен, — ответил мне Мирон, — Но поскольку я теперь командир, я не могу позволить остаться тебе простым корнетом, извольте перейти в чин поручика, Варвара Гончарова, и за твою смелость орден тебе положен.

Я, смутившись, ответила, что не смогу носить столь гордое звание, на что Мирон, обняв меня, сказал:

— Эх ты, маленькая мятежница... Носи, коль заслужила.

Полным ходом шло празднование очередной победы нашей армии. Завтра утром уже отъезд, но снова ехать в усадьбу, повторяюсь, для меня было равно унижению — отца нет, матери тоже, а ведь теперь моя жизнь больше никогда не вернется в прежнее русло. Мирон, что сидел рядом, словно услышал мои мысли — наверное, по лицу понял.

— А ты, как я полагаю, не поедешь обратно домой?

Я со вздохом ответила, что вряд ли, что же мне там делать. Мирон посидел, подумал, и неожиданно спросил, хотела бы я съездить к нему, раз уж домой все равно возвращаться не планирую. Я согласилась и на следующее утро мы уехали в родную усадьбу Мирона.

На этом мой рассказ подходит к концу. Несколько месяцев прошло с тех событий, но я все помню, как будто это было вчера. Мы с Мироном объявили недавно о нашей помолвке на широкий круг, и скоро должны сыграть свадьбу. Как же быстро идет время... Дом я отдала своим родственником, что недавно переехали в город, и нуждались в жилье. Жизнь прошлую не вернуть, нужно с поднятой головой смотреть в будущее. «Ты в порядке?» — спросил меня Мирон, увидев, как у меня дрожит рука при написании текста. Я ответила ему, что да, сжимая в холодной руке перо.